

вновь сделалась видимой. Она обширно заняла сцену реальности и средств массовой информации, и коллективное подсознание перестало считать ее несчастным случаем, отдельной неполадкой, какие еще случаются, но в скором времени будут искоренены или по меньшей мере ограничены. Журнал *L'Espresso* обратил на это внимание, выбрав «персонами» 2020 года «жизнь и смерть». Под фотографией на обложке, на которой под свинцовым небом Смерть в плаще играет в шахматы с новорожденным, написано: «Страх конца подорвал экономические и политические системы и наше повседневное существование». В редакционной статье внутри номера мы читаем, что «год пандемии вернул смерть, устраненную из культуры, на центральную позицию». Чуть дальше говорится о том, что страх конца парадоксальным образом должен бы вызывать странное предчувствие: «Бояться умереть – значит знать, что есть нечто превосходящее наше индивидуальное существование. Конечная цель. И наследники»¹³. Философ и политик Массимо Каччари в своей статье подчеркивает: «Нас этому учит Леопарди... Если жизнь и правда обладает ценностью и устремлена к достижению чего-то, что неизменно превосходит конечное существование, то тогда ты не боишься смерти, ты ее про-живаешь»¹⁴. И в этом проживании пробуждаются глубинные вопросы.

Г. Пробуждение глубинных вопросов

Абрам Иешуа Хешель замечает: «Первый ответ на вопрос: „Кто такой человек?“ – следующий: человек есть существо, задающееся вопросами о самом себе. Задаваясь подобными вопросами, человек узнает, что он личность, а их глубина выявляет его положение»¹⁵. Человек – тот уровень природы, на котором природа вопрошает о самой себе, о своем смысле, о своих истоках и своей судьбе. «Почему я здесь? Что поставлено на кон в моем существовании? Этот вопрос не вытекает из какой-либо предпосылки: он дан вместе с существованием»¹⁶. Но вопрос о смысле собственной жизни невозможно отделить от вопроса о смысле собственной смерти.

Те, кто принял удар огромного вызова, вставшего перед нами в этот драматичный год, неизбежно увидели, как в них, в их сознании проступили вопросы, без которых обычно, в «нормальные» – определим их так – времена, они могли обойтись. Но в этот раз из-за глобального характера опасности уязвимость, одиночество, страдания, смерть более настойчивым и прямым образом коснулись нашей плоти или плоти людей рядом с нами. Ситуация всех вывела из повседневного оцепенения, которое часто уплощает экзистенциальные вопросы, представляя их как преувеличение со стороны тех, кто хочет испортить другим праздник жизни. Этот мыльный пузырь лопнул, особенно ощутимо – с началом второй волны: «Страдание есть агрессия, призывающая нас к сознательности»¹⁷, – напоминает Клодель.

Игнасио Карбахоса провел пять недель как капеллан в ковидной больнице в Мадриде и отразил в дневнике опыт «привилегированного свидетеля» жизни и смерти огромного числа людей. Он пишет: «Увиденное завязало внутри меня борьбу. Ранило меня». Что же он увидел? Среди многих других – девочку двадцати четырех часов от роду и скончавшуюся женщину по имени Елена. Он спрашивает: «Елена? Где ты, Елена? Два края жизни: рождение и смерть с разницей меньше чем в час. Какое же искушение – устранить один из двух полюсов! И какой это вызов для разума, какое мужество требуется от него, чтобы удерживать оба и открыться вопросу: „Что есть человек, что Ты помнишь его?“». Спустя месяц, в течение которого он сопровождал пациентов с коронавирусом, отец Игнасио отмечает в дневнике: «В этот период мой разум и привязанность столкнулись с проблемой познания: что такое боль, что такое

¹³ *Persone dell'anno. La morte e la vita*. Обложка изд. *L'Espresso*. 20 dicembre 2020.

¹⁴ M. Cacciari. *Per amore della Vita // L'Espresso*. 20 dicembre 2020. P. 17.

¹⁵ A. J. Heschel. *Chi è l'uomo?* Milano: SE, 2005. P. 42.

¹⁶ *Ibidem*. P. 25.

¹⁷ P. Claudel. *Tre figure sante per il tempo moderno*. Alba (Cn): Paoline, 1997. P. 46.

смерть? И как следствие: что такое жизнь? Каждый день я должен смотреть в лицо этим вопросам, предстоя перед больными людьми, страдающими и умирающими»¹⁸.

Те, кто в это время не замкнулся в своей скорлупе, должны были ощутить, как зазвучали их глубочайшие струны, о существовании которых они скорее всего и не догадывались. Возможно, кто-то тут же заглушил их в попытке вернуться к нормальной жизни. Но даже в таком случае произведенный эффект не остался незамеченным, пусть даже всего на мгновение. Это было начало пробуждения человечности, подобное крошечному семени, почти ничто: «Как раз в силу трудностей, которые меня не миновали, 2020 год совпал с неожиданным пробуждением моего „я“». Кто знает, сколько людей заметили то же самое и сколько времени потребуется, чтобы семя смогло прорасти!

Я понимаю, может показаться, что этого слишком мало, учитывая масштаб драмы, но это своего рода обещание. Трепет наших сокровенных глубин – признак ожидания, укорененного внутри нас, совпадающего с нами, ожидания чего-то на высоте жизни и смерти, ожидания чего-то непредвиденного, что породит всплеск привязанности к самим себе и позволит пробудиться и исполниться нашему желанию. Трепет нашего разума, острая потребность в смысле, которую мы ясно ощутили в определенный момент, ставит нас в наиболее благоприятные условия для того, чтобы заметить ответ, если он осуществляется, там, где он осуществляется. Джуссани часто повторял фразу Рейнгольда Нибура: «Нет ничего невероятнее ответа на незаданный вопрос»¹⁹. Что это значит? Сегодня, вероятно, нам проще понять эти слова как раз в силу опыта, пережитого за последний год: чем яснее я замечаю проблему, чем насущнее моя внутренняя нужда, тем внимательнее я к любому отголоску ответа, и любой намек на него вызывает мое любопытство²⁰.

Несмотря на всю его неотложность и неизбежность, от вопроса о смысле существования всегда можно отмахнуться (важно об этом не забывать), отчего становится слабее осознание вопроса, вплоть до того, что он исчезает. «Вопрос встает очевидным образом, но не внимание к вопросу. И многие называют его праздным... В результате вопрос о смысле существования притупляется и в конце концов исчезает. Доходит до того, что, как говорил Жид, „в том-не-чувствуешь-больше-нужды“»²¹. Те же, кто не бежит от вопроса, видят его познавательное значение, его способность пробуждать: «В этот „неслыханный год“ со мной случилась настоящая революция: мне больше не нужно поскорее „завершить партию“, дав самой себе идеальные, безукоризненные, но притом заранее составленные ответы; более того, мне нужно прямо противоположное: поддерживать вопрос живым, принимать его драматизм, поскольку в такой нищете, ничем не обладающей и не опирающейся на схемы, на ритуалы, на приобретенную надежность, я переживаю огромную возможность замечать то, что есть».

3. Критерий суждения

Принимать всерьез неотложную человеческую нужду – значит иметь в руках критерий, позволяющий судить обо всем, что попадает в наше поле зрения, о любых позициях, наших и других людей, обличая обман, заблуждения, и признавая то, что действительно ценно. Конечные,

¹⁸ I. Carbajosa. *Testimone privilegiato*. Castel Bolognese (Ra): Itaca, 2020. P. 16, 66, 96.

¹⁹ R. Niebuhr. *The Nature and Destiny of Man. A Christian Interpretation*. Vol. II. London-New York, 1943. P. 6.

²⁰ Луиджи Мария Эпикоко замечает: «Цель в настоящий момент заключается не в том, чтобы не заразиться, а, скорее, чтобы понять, что, пусть даже в свете такого опыта, мы не можем больше откладывать огромный вопрос о смысле жизни, на который пандемия вновь настойчиво обращает наше внимание» (L. M. Epicoco, S. Gaeta. *La speranza non è morta. Parole di fede in tempo di crisi*. Cinisello Balsamo-Mi: San Paolo, 2020. P. 40).

²¹ F. Varillon. *L'umiltà di Dio*. Magnano (Bi): Qiqajon – Comunità di Bose, 1999. P. 30.

образующие нас вопросы, «переживания, полные понимания и драматизма»²², сосредоточенные в глубине нашего «я», представляют собой точку, с которой мы сравниваем любое предложение, любую перспективу, любую встречу.

Унгаретти в одном своем стихотворении пишет: «Мое сердце / сегодня / не что иное / как биение ностальгии»²³. Ему вторит Этти Хиллесум: «Я всегда ощущала болезненное, неутолимое желание, тоску, стремление к чему-то недостижимому»²⁴. Мы носим в себе таинственную и неугасимую тоску, подобную некому фону, невидимому, непознаваемому, с которым, однако, мы соотносим всю жизнь и все отношения. Святой Августин называет ее беспокойством: «Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе»²⁵. Такое беспокойство становится критерием суждения, позволяющим заметить то, ради чего сотворено наше сердце. И оно не может ошибиться, поскольку совершает проверку в опыте: когда обретает покой. Ответ на беспокойство сердца, на его ожидание, распознается по покою, который оно испытывает при встрече с ним, по покою, который оберегает и превозносит ожидание²⁶.

Каждый человек, где бы он ни родился, к какой бы культуре ни принадлежал, приходит в мир с острой потребностью в смысле, в судьбе, в абсолюте; однажды она проявляется в нем, и, хочет он того или нет, ему приходится считаться с ней, независимо от его позиции. Эта потребность может быть погребена под толщей невнимательности, но определенные события (например, пандемия) пробивают брешь в корке, выводят из оцепенения и выявляют нашу нужду, не позволяя нам довольствоваться первым попавшимся ответом. Чем острее становится под давлением происходящего потребность, тем очевиднее то, что ей под стать, что ей соответствует.

Рассмотрим различные позиции, которые на наших глазах сменяли друг друга или пересекались перед лицом вставшего перед нами вызова и которые мы могли полностью или частично разделять, и попробуем понять, насколько они состоятельны.

А. «Все будет хорошо»

Вспомним самый популярный слоган первого карантина: «Все будет хорошо». Все мы обнаруживаем в себе своего рода естественную надежду, с которой подступаемся к жизни. Мы видели, как она проявилась в самом начале санитарного кризиса. Пока медики не щадили себя, великодушно рискуя собственным здоровьем, многие люди выходили на балконы, чтобы продемонстрировать свою веру в лучшее. Мы часто слышали рефрен: «Все будет хорошо». Выстояла ли эта надежда, этот оптимизм, перед затянувшимся суровым вызовом? Вторая волна вывела ее на чистую воду, показав всю ее хрупкость, неспособность сопротивляться цунами, что на нас обрушилось²⁷.

²² Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 52.

²³ G. Ungaretti. *Oggi // Poesie e prose liriche. 1915–1920*. Milano: Mondadori, 1989. P. 40.

²⁴ Ср. Э. Хиллесум. *Я никогда и нигде не умру*. Белгород: Клуб семейного досуга, 2016. Запись от 16 марта 1941 г.

²⁵ «*Fecisti nos ad te [Domine] et irrequietum est cor nostrum, donec requiescat in te*» (Августин Аврелий. *Исповедь*. I,1,1. Пер. М. Е. Сергеевко).

²⁶ Такое «беспокойство, – пишет Гвардини, – есть нечто гораздо большее, нежели простое бездействие; это полнота в самой себе» (R. Guardini. *Lettere sull'autoformazione*. Brescia: Morcelliana, 1994. P. 136).

²⁷ Жан Даниелу замечает: «Надежда не оптимизм. Оптимизм – легкий подход, в силу которого мы думаем, что все в конце концов неизменно устроится само по себе. В более осмысленной своей форме он видит в зле всего лишь беспорядок, который однажды самоустранится, или же кризис роста. Нивелируя таким образом трагичность зла, оптимизм выступает худшим врагом надежды» (J. Daniélou. *Saggio sul mistero della storia*. Brescia: Morcelliana, 2012. P. 370).

То же самое происходит перед лицом различных противоречий, сопровождающих наше существование. Об этом блестяще сказал Леопарди: «Но пусть слух поразит малейший диссонанс, / И этот рай в одно мгновение исчезает»²⁸. Достаточно мелочи, малейшего диссонанса, и рай, который мы себе выстроили, оказывается под угрозой. Представим, что случается, когда речь не о мелочи, а о COVID-19 со всеми хорошо известными нам последствиями.

Столкновение с противоречивыми обстоятельствами, с жестокой реальностью подвергает испытанию состоятельность нашей надежды. Одна студентка пишет мне: «Я всегда была уверена в присутствии надежды и в важности ситуации, которую мы переживаем. Все это мне было ясно в первый карантин и особенно летом, когда я вынуждена была навестывать стажировку. Тем не менее в последние дни сердцу все тяжелее. Мои дни проходят не под знаком надежды, а под знаком одной только огромной усталости, я живу во власти тысячи повседневных мыслей и искушений. Как такое возможно?»

Б. Солидарность

Когда событие становится «общим делом», как рассказывает Альбер Камю в «Чуме», каждый пытается пережить его по мере возможности, и рано или поздно одна за другой рушатся иллюзии, в которых мы ищем убежища. Жестокость определенных событий сотрясает нас так сильно, что расшатывает даже самую основательную уверенность, как случилось с отцом Панлю в романе: смерть невинного ребенка знаменует для него крах идеи ретрибутивной справедливости. «Что же делать? Тут-то слова отца [Панлю], – пишет Массимо Рекалькати, – проливают свет на предпосылку любого человеческого опыта заботы. Он рассказывает, что во времена великой марсельской чумы из восьмидесяти одного монаха обители Мерси только четверо выжили. И из этих четверых трое бежали, спасая собственную жизнь. Но один остался. Таково последнее слово, которое преподобный отец передал своим верным: надо быть среди тех, кто остается. Уметь остаться – поистине первое определение любой заботы. Это значит отвечать на призыв того, кто упал. В библейских терминах именно об этом слова: „Вот я!“ – благодаря которым становится человеческой человеческая забота и ты никого не бросаешь на произвол неприемлемого неистовства зла. Ты не обосновываешь зло, а остаешься рядом с тем, кого оно поразило»²⁹.

Как сказал папа Франциск, коронавирус позволил нам яснее осознать, что все мы находимся в одной лодке, и это побудило многих закатать рукава и по мере сил оказывать помощь. Никто не отрицает несравненную ценность подобной самоотдачи, но в то же время никто не может утверждать, что проявленная забота, увенчавшаяся успехом или не увенчавшаяся, достаточна, чтобы взглянуть в лицо вопросу, возникающему в чрезвычайных обстоятельствах. Мы нуждаемся не только в поддержке и медицинском лечении, нам также нужно то, что позволит смотреть на страдание и смерть и не падать духом. Именно на этом уровне обнаруживается ограниченность любых, даже самых необходимых, усилий, направленных на солидарность, близость к другим и заботу. Природа нужды, которая в сложившейся ситуации обнаружилась в тех, кто дал происходящему ранить себя, гораздо глубже, чем солидарный ответ³⁰.

²⁸ Дж. Леопарди. *К портрету красавицы, изваянному на ее надгробии*. Пер. В. Ф. Помяна.

²⁹ М. Recalcati. *Ed io avrò cura di te // la Repubblica*. 15 ottobre 2020. P. 27.

³⁰ То же самое происходит, когда мы беремся отвечать на нужды других людей: «Становится понятно: именно потому, что мы их любим, *не мы делаем их довольными*, и даже самое совершенное общество, самая цельная с точки зрения законов, самая благоразумная организация, самое огромное богатство, самое железное здоровье, самая чистая красота, самая цивилизованная культура никогда не смогут сделать их довольными» (L. Giussani. *Il senso della caritativa*. Milano: Società Cooperativa editoriale Nuovo Mondo, 2006. P. 10).

В. Вакцина как панацея

Да здравствует вакцина! Как тут не радоваться после стольких страданий, страха, растерянности и смертей, которые мы увидели? Нельзя, однако, оставить без внимания момент, о котором писала Сусанна Тамаро в «Письме Младенцу Иисусу», опубликованном в газете *Corriere della Sera* 22 декабря прошлого года: «Прости нас за убежденность в том, что спасение – в вакцине. Да, вакцина станет чудесной, обязательной помощью, как чудесна и обязательна наука на службе у человека, но она не сможет рассеять туман нашего несчастья. Для этого нам нужен будет новый взгляд и очищенное сердце, которое ведет диалог с этим взглядом».³¹ Эти слова обнажают неизбежную проблему: хватит ли вакцины, чтобы ответить на все вопросы, спровоцированные пандемией? Нам нужно лишь искоренить болезнь и ничего больше?

А когда от болезни нет лекарства? Мама ребенка с очень тяжелым синдромом пишет: «В этот особо трудный период моего сына положили в реанимацию, где он находился под наркозом на искусственной вентиляции легких. В такие моменты я хватаюсь за любое напоминание о том, что кто-то смотрит на меня и меня любит: созваниваюсь и переписываюсь с друзьями, читаю и перечитываю некоторые тексты в поисках сил. В педиатрическом отделении, куда мы попали, очень плохой сигнал и у интернета, и у телефона, а из-за коронавируса ни с кем нельзя видеться. Поэтому того, за что я обычно цепляюсь первым делом, там нет. Помню, я прочитала фразу, одну из многих, напечатанных в газетах: «Прошлый год нужно забыть, давайте смотреть вперед, близка надежда на вакцину». Как можно возлагать всю надежду на вакцину? Я думаю о моем сыне: наша надежда в том, чтобы быть здоровыми? В таком случае он обречен, тогда как на самом деле часто именно он является свидетелем неизмеримо большей надежды. Глядя на него, на его тело, я возвращаюсь к желанию блага, заложенному в каждом из нас, к желанию быть счастливыми и любимыми, несмотря на наши изъяны. Наши изъяны – драма, заставляющая нас задавать вопросы, они позволяют нам просить и желать большего».

Как ответить на пропасть, разверзшуюся под влиянием санитарной ситуации (но не созданную ей)? И еще прежде: о какой пропасти речь? О пропасти наших человеческих потребностей, жажды жизни, которую мы ощущаем. А также о пропасти страха, становящегося все более постоянным, о пропасти смерти и боли, тревоги, что потеряешь жизнь или что жизнь в конечном итоге не достигнет свершения. Хватит ли упомянутых «ответов», чтобы заполнить эту пропасть?

4. Бегство от самих себя

Одна молодая врач пишет мне: «Поначалу мой подход к каждому дню заключался в том, чтобы надеяться, что все пойдет более или менее по моему плану. Я медик, в ноябре окончила специализацию, а в январе переехала в другой город, чтобы начать новую работу. Я была полна ожиданий и желания наконец-то после стольких лет учебы осуществить мое врачебное призвание. В марте прошлого года случился первый карантин. Руководство больницы оказалось в критической ситуации, мой контракт потерял какой-либо приоритет, и я больше не могла там оставаться. Я даже не могла остаться, чтобы помогать. Бесполезный врач в разгар пандемии! По телевизору в то время постоянно говорили о том, как требуются медицинские работники. Я послала по крайней мере десять резюме, отвечая на запросы рядом с домом или в отдаленных местах, но у меня не было необходимых характеристик. Бесполезный врач. Представь мою злость и мое разочарование. Я всегда соглашалась, когда мне говорили о цен-

³¹ S. Tamaro. *Sotto l'albero vorrei ritrovare l'innocenza* // *Corriere della Sera*. 22 dicembre 2020. P. 29.

ности непредвиденных событий. Но на самом деле в глубине души я думала, что непредвиденное должно вписаться в рамки плана, сложившегося в моей голове. И потому я ощутила себя оставленной, отбракованной, отброшенной в сторону. Я спрашивала себя: „И где же твой Бог? Если Он и есть, то забыл обо мне. Возможно, и нет Его“. Одним словом, трудности тех месяцев наложили на меня отпечаток. Но мне не хочется, чтобы мой „ковидный кризис“ прошел впустую. Мне не хочется упустить возможность дойти до глубины сомнения в существовании Бога или, наоборот, вероятности, что Он есть и что Ему действительно дорога моя жизнь. Возможно ли с уверенностью, основанной на опыте, утверждать, что „и волосы на нашей голове все сочтены“? Возможно ли быть в этом уверенными настолько, чтобы обосновать это и перед теми, кто не верит, или, еще проще, перед самой собой, когда я сомневаюсь?»

Если мы не хотим, чтобы кризис, который мы переживаем, прошел впустую, как говорил папа Франциск, мы не должны упускать возможность, нужно позволить вопросам, настойчиво звучащим внутри, провоцировать нас. Не проживать кризис впустую – значит стараться ответить на сомнение, так часто пронизывающее нас до самого сердца. Не встречая его грудью и не находя ответ на уровне вопроса, мы вынуждены бежать от самих себя, потому что не в силах предстоять перед драмой.

Бегство от самих себя – наиболее распространенный путь, до тех пор, пока мы можем себе позволить держаться в стороне от пропасти, разверстой в сердце, от потребностей, которые «невозможно» удовлетворить, приручить, которые не дают нам покоя.

Если в первую волну на первом плане так или иначе были страх и солидарность, во вторую, как мы уже говорили, преобладала неуверенность в завтрашнем дне, более острое осознание потребности в смысле и того, как трудно предстоять перед будущим. Именно это и подталкивает к бегству. Мы бежим, потому что нам невыносима жизнь, вопиющая о потребности в смысле. И потому мы пытаемся уйти как можно дальше от самих себя, «словно мы почитаем себя самих менее важными, чем все остальное»³². За это приходится платить жизнью вполсилы, игрой на понижение. Как недавно написал Алессандро Барикко: «А об этой другой смерти когда мы поговорим? О смерти крадущейся, невидимой. Она не учтена ни в каком министерском декрете, по ней нет ежедневных графиков, официально она не существует. Но каждый день вот уже год она там: во всей той жизни, которой мы не живем»³³.

Убегая от самих себя, мы лишь усугубляем ситуацию, поскольку в этом случае ничто более не является нашим, все становится чуждым. Джуссани описал это забываемым образом: «Главное препятствие на человеческом пути – „пренебрежение“ нашим „я“. Противоположность такого „пренебрежения“, то есть интерес к собственному „я“ – первый шаг на истинно человеческом пути». И далее: «Казалось бы, наличие такого интереса естественно, на самом же деле вовсе нет: достаточно взглянуть, какие зияющие пустоты обнаруживаются в повседневной ткани нашего сознания, какие провалы в памяти». Если эти слова звучат так, будто они написаны сегодня для нас (хотя в действительности датируются 1995 годом), то потому, что пандемия выявила динамику опыта, который ей предшествует и продолжается после. Джуссани помогает нам отдать себе отчет в постоянно существующем для человеческой души риске, в искушении, сопровождающем нас ежедневно: в пренебрежении нашим «я». «Сегодня со словом „я“ возникает большая путаница, и все же... если я пренебрегаю собственным „я“, отношения с жизнью не могут стать моими, сама жизнь (небо, женщина, друг, музыка) не мо-

³² Николай Кавасила пишет: «То, что мы делаем, то, что нам привычно, что кажется нам правильным, – все это для нас весьма важно. Лишь вещи, которые действительно являются нашими, мы ценим менее всего остального, не размышляя, каким образом сберечь их и обеспечить с их помощью наши права, словно мы почитаем себя самих менее важными, чем все остальное. Станем же обращаться по крайней мере в силу той новизны, которая перевернула и преобразила все» (N. Cabasilas. *La vita in Cristo*. Roma: Città Nuova, 1994. P. 291).

³³ A. Baricco. *Mai più, prima puntata* // www.ilpost.it. 9 marzo 2021.

жет стать моей. <...> Чтобы всерьез сказать *мое*, нужно ясно понимать устройство собственного „я“. Нет ничего более захватывающего, чем открытие подлинных масштабов собственного „я“, нет ничего более удивительного, чем открытие собственного человеческого лица»³⁴.

Распространение такой неясности вызвано отчасти влиянием, оказываемым на нашу личность извне. Ослабление чувства собственного «я» – признак направления, выбранного нашей культурой и застоя, в котором она пребывает: «Цивилизация развивается в той мере, в какой она благоприятствует проявлению и прояснению ценности отдельно взятого „я“». Вот парадоксальный исход пути, проделанного Новым временем, когда «я» посягнуло на центральное место, возомнило себя господином себе самому и вещам, а разум был возведен в меру реальности. Бог – Тайна, к которой в конечном итоге неизбежно отсылает реальность, – был изъят из представлений о жизни и мире. Это привело не к более тесному и непосредственному отношению с реальностью, а напротив, к бегству от нее, от ее смысла, к низведению человеческого существования всего лишь до фактических данных. «В путанице по поводу окончательного облика собственного „я“ и реальности вызревают отчаянные попытки и дальше бежать от отношения с бесконечной Тайной, хотя любой разумный человек видит ее на горизонте и у истоков всякого человеческого опыта; для этого необходимо отрицать какую-либо конечную содержательность жизни. Если реальность словно ускользает от властных притязаний человека, последним прибежищем гордыни становится отрицание какой-либо ее содержательности и своевольное отношение ко всему как к иллюзии или игре. Мы можем назвать нигилизмом то, что царит сейчас в образе мыслей и взглядов»³⁵.

О таком же бегстве, пусть и совсем иначе, Библия рассказывает в первой главе Книги пророка Ионы. Мы знаем сюжет. Два раза в главе повторяется фраза: «Иона бежал от лица Господня»³⁶. Но такое бегство от Бога, по словам Джуссани, совпадает с «бегством от нашей ответственности, то есть с бегством от „цельной“ жизни, от единства со всеми вещами, с бегством от полноты, с бегством от смысла и от полноты». Поэтому, хотя мы «решительно посвятили себя католическому движению» – говорил он в 1963 году группе ответственных – и отдаем ему все наше свободное время, бегство от отношения с Тайной есть «та пустота, которую мы впускаем в каждый наш день»³⁷. Это бегство от себя, которое может принимать разные формы.

А. Активизм

Вопль, поднимающийся из самого нутра нашей человечности, можно подавить, если лихорадочно удариться в деятельность, погрузиться в нее настолько, чтобы не было времени на раздумья о наших истинных потребностях. Активность превращается в своего рода наркотик. Мы увидели, как активизм наводняет нашу жизнь, когда во время карантина нам пришлось остановиться: сидя взаперти, мы вдруг обнаружили, что должны считаться с самими собой. И в скольких из нас обнажились пустота, замешательство, нетерпимость в собственном отношении! Активизм – действие, не подкрепленное адекватными причинами, а потому оно не открывает нас, не делает более зрелыми. Поэтому, когда в жизни наступает вынужденный перерыв, мы замечаем, что полны неуверенности, и ощущаем самих себя как бремя, словно у нас на плечах – целая гора. Одна молодая женщина пишет мне: «В эти сложные и бесплодные месяцы я заметила, что мне не удается смотреть в лицо определенным вопросам, и, когда они возникают (а возникают они очень часто), я пытаюсь похоронить их под списком дел, поскольку у меня нет ответа, и это меня убивает. Когда друзья спрашивают, как у меня дела,

³⁴ Ср. Л. Джуссани. В *поисках человеческого лица*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 3–4.

³⁵ Ср. Там же. С. 5, 7–8.

³⁶ Чл. *Ион.* 1:10.

³⁷ *Fraternità di Comunione e Liberazione. Documentazione audiovisiva. Esercizi Incaricati di GS. Varigotti, 6–9 dicembre 1963.*

я не знаю, что отвечать: у меня двое потрясающих здоровых детей, у нас все хорошо, пандемия не сказалась на нашем финансовом положении, у меня нет поводов для жалоб, но я постоянно чувствую явную пустоту и огромное одиночество, я всегда озлоблена и во всем вижу лишь негативные стороны. С друзьями я почти никогда не свободна, потому как боюсь, что, если вытащить на свет мою пустоту, повиснет неловкое молчание, единственный выход из которого – быстрая смена темы».

У активизма, о котором я говорю, множество способов и сфер проявления: обычно это работа, но может быть и партия, культурная или волонтерская ассоциация или, как говорил отец Джуссани, католическое движение. Мы первые ведем себя так, компенсируя деланием отсутствием серьезного отношения к нашей человечности. Даже «занятие делами Движения» может быть формой бегства от самих себя.

Джуссани неоднократно предостерегал нас от такого поведения, предупреждая о том, что скрывается у его корней. Действительно, в активизме настоящий смысл жизни, подлинный предмет уважения составляют вещи, которые делаем мы: не Бог, не Христос, не отношение с воплощенной Тайной. «По факту, с экзистенциальной точки зрения, мы ценим не Христа, а прочее». Мы привязаны к Движению не в силу Тайны, которую оно несет, а из-за дел, которые мы делаем. И в таком случае «опыт нашей жизни не развивается»³⁸. Пусть слова Джуссани не кажутся преувеличением. Если нас объединяет лишь то, что мы делаем, рано или поздно Движение утратит для нас интерес: «Я оставил Движение тридцать лет назад, в конце университета: мои дни были полны разных занятий и отношений, но смысл всего этого потерялся, стал самоочевидным, и жизнь очерствела».

Б. Попытки отвлечься, чтобы заполнить пустоту гулом

Когда мы вынуждены почти неизбежно осознавать нашу хрупкость, как случилось в этот период с его вызовом и испытаниями, когда осязаем нашу случайность, эфемерность нашего бытия, мы с легкостью берем на вооружение рассеянность. Поскольку в нас поднимаются вопросы, которые заставляют задуматься о самих себе, тревожат нас и на которые у нас нет ответов, мы заполняем пустоту ответа гулом. В свободное время мы гонимся за стимулами и новостями, бродим по интернету и соцсетям, постоянно обзаводимся новыми интересами, быстро переходим от одного к другому, ни во что не вникая: наша цель, признаемся мы в этом или нет, – увильнуть от вопроса о судьбе, от неотложной нужды, попробовать не считаться с самими собой³⁹. Нам известно: это затупленное оружие, в конечном итоге не выдерживающее натиск, но мы довольствуемся передышкой, которое хотя бы на какое-то время оно нам дает.

Рассеянность и отсутствие рефлексии могут определять многие наши дни и даже длинные отрезки жизни. В определенном смысле они представляют собой обратную сторону цинизма: когда не помогает рассеянность, подключается цинизм – еще один способ захлопнуть дверь перед неотложной нуждой, поставив на всем клеймо несостоятельности и плавая «вдоль берега ощущения ничто»⁴⁰.

«Никогда не думал, – признается Бернанос, – что за банальным словом „рассеянность“ может таиться такая степень распада, раздрызга»⁴¹. Наша личность погрязает в отстраненности, в механическом; мы все меньше сознаем самих себя: отвлекаться – значит отрываться от сути жизни.

³⁸ L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. Milano: Bur, 2018. P. 104, 107.

³⁹ «Рассеянность, – подчеркивает Романо Гвардини, – состояние, в котором у человека нет ни центра, ни цельности, его мысли блуждают от одного объекта к другому, его чувство неопределенно, а его воля не властна над его возможностями» (R. Guardini. *Introduzione alla preghiera*. Brescia: Morcelliana, 1973. P. 23).

⁴⁰ L. Giussani. *La familiarità con Cristo*. Cinisello Balsamo: (Mi) San Paolo, 2008. P. 147.

⁴¹ Ж. Бернанос. *Дневник сельского священника*. III.

В. Возвращение к норме с целью перевернуть страницу

«Что нас ждет? Действительно ли игра закончена? Возможно ли вернуться к жизни, которой ты когда-то жил, или та жизнь уходит навсегда?»⁴² – спрашивал Оруэлл в 1939 году. Вопрос этот не потерял свою остроту. Поскорее перевернуть страницу, оставить за плечами случившееся, забыть! Кажется, это закольцованный императив: вести себя, словно ничего и не стряслось, словно в нас не проснулись никакие вопросы, словно не было смертей, а потерянность – всего лишь инцидент, устранимый одним взмахом ластика. Такое искушение всегда подстерегает нас, как писал Василий Гроссман в конце жизни: «Пусть все станет как было, не нужно нестерпимого изменения, пусть останется обычное, знакомое, а не освобождающая, ломающая кости, раздирающая в кровь новизна»⁴³. Такой подход никогда ничего не добавит нашему опыту, даже наоборот, очевидно противоположное.

⁴² Ср. Дж. Оруэлл. *Глотнуть воздуха*. Ч. IV, 6.

⁴³ В. Гроссман. *Добро вам!* Гл. 7.

ГЛАВА ВТОРАЯ МЫ ЯВЛЯЕМСЯ ОЖИДАНИЕМ

Активизм, рассеянность, императивное возвращение к нормальности (поясним: имеется в виду не понятная потребность в преодолении трудностей и восстановление более стабильной санитарной и экономической ситуации, а лихорадочное стремление забыть, замолчать человеческие вопросы) – все это способы бегства от самих себя и от реальности. Для большинства людей они в порядке вещей и позволяют не считаться с глубиной собственного «я», которое мы можем описать одним уже использованным ранее словом: «ожидание», ожидание жизни, смысла, ожидание со всеми его последствиями, которые, пусть даже на короткие моменты, вырывают из рассеянности, поворачивают вспять наше бегство и вновь ставят нас перед самими собой.

Почему наши попытки самореализации или бегства от себя провальны? Потому что «душа превосходит мир, не довольствуется видимым глазу, известным. Она плачет от тоски»¹. Сколь бы усердными и настойчивыми ни были наши попытки, ни одна из них не способна обеспечить нам свершение, которого, скрытно или явно, мы ищем, когда просыпаемся по утрам, когда вновь принимаемся за дела или организуем наши «побеги». Из-за структурной недостаточности наших сил и даже успехов, которых нам удастся добиться, у нас не получается найти то, чего мы по-настоящему ожидаем. Вот почему Симона Вейль тонко подмечает: «Самые драгоценные блага не нужно искать, их нужно ждать. Действительно, человек не может обрести их своими силами, и, взявшись за их поиски, он найдет вместо них ложные блага, ложность которых не сумеет даже распознать»².

1. Неустраняемая данность

Ожидание, следовательно, – это то, что всегда остается, когда наши попытки, в том числе и удачные (скажу больше: прежде всего удачные), оказываются недостаточными для достижения цели, то есть для нашего свершения, для полноты здесь и сейчас, в каждое мгновение, не завтра и не в потустороннем мире.

Адам Загаевский, один из наиболее выдающихся поэтов современности, скончавшийся на днях, в таких словах запечатлел масштаб нашего ожидания:

Эти краткие мгновения,
Которые бывают так редко, –
Это и есть жизнь?
Эти немногие дни,
Когда возвращается ясность, –
Это и есть жизнь?
Эти моменты, когда музыка
Вновь обретает свое достоинство, –
Это и есть жизнь?
Эти редкие часы,
Когда любовь побеждает, –
Это и есть жизнь?³

¹ P. Van der Meer. *Diario di un convertito*. Alba (Cn): Paoline, 1967. P. 34.

² S. Weil. *Attesa i Dio*. Milano: Rusconi, 1972. P. 76.

³ A. Zagajewski. *Krótkie chwile*.

В стихотворении ясно звучит голос чего-то, что имеет отношение к опыту всех людей. И хотя культура, в рамках которой мы живем, пытается подавить это ожидание, сломить его или исказить, любое ее усилие натывается на нечто неизбежное: на нашу человеческую природу. Бертольд Брехт признает это в следующих строках:

Не воплотить желанья свои, но о них позабыть.

Вот что считается мудрым.

На все это я неспособен.

Право, я живу в мрачные времена⁴.

Даже темные времена не в состоянии выкорчевать из сердца желание, ожидание того, что утоляет нашу жажду жизни. «Господствующая культура [которой в определенной степени может быть выгодно выхолащивание смысла жизни и поощрение тем самым экзистенциального нигилизма], хоть она и способна охватывать умы отдельных людей, а значит и масс, вынуждена остановиться перед последним пределом – человеческой природой, которую определяет религиозное чувство». Природа эта, утверждает Джуссани, «не только никогда не сможет полностью атрофироваться, но всегда более или менее ощутимо будет пребывать в позиции ожидания»⁵.

Такое ожидание – неустранимая данность, с которой каждый из нас вынужден считаться в любой момент жизни, даже когда бежит от нее. «Разве кто-то нам что-то обещал? Почему же мы ждем?»⁶ Этими словами Павезе описал центр своего и нашего «я», нечто характерное для всех нас: ожидание. Оно есть часть нашего исконного существа: мы сотворены как «ожидание чего-то». Мы не просто ждем: мы *являемся* ожиданием!

Одна подруга пишет мне: «Я замечаю, как в самой своей глубине мое „я“ ждет чего-то, что даст надежду, ждет, когда сможет сказать: „Да, надежда есть“. В момент, когда я бы ответила: „Не очень-то я в этом уверена“, – я замечаю, что сотворена как ожидание конечной положительности всего, чем я живу; иначе говоря, я сотворена ради надежды. Я знаю, что и Джуссани, и ты много раз утверждали и доказывали, что, если есть подобное ожидание, уже это свидетельствует о существовании ответа. Но, по-моему, я умею повторять это лишь на словах».

Никто, даже те, кому, казалось бы, чуждо такое ожидание, кто не придает ему значения или не принимает его всерьез, пребывая в рассеянности или замалчивая собственную человечность, при столкновении с присутствием, исполненным обещания, смысла, связанного с этим обещанием, не остается безразличным. Люди видят, как в них вновь вспыхивает надежда, им приходится признаться самим себе, что и они втайне ожидают. Так случилось со студентами, которые в период между карантинами, в атмосфере практически полной апатии, получили от некоторых однокурсников листовку с названием «Университет не закрыт, пока мы живем»⁷. У них переменились лица, в них вновь проявилось ожидание.

Ожидание – это данность. Бенедикт XVI напоминал нам: «Вся наша личная, семейная и социальная жизнь пронизана измерением ожидания. Ожидание присутствует в тысячах ситуаций, от самых малых и тривиальных до самых важных, которые требуют нашего полного и глубокого участия. Это ожидание ребенка супружеской парой; ожидание родственника или друга, который едет навестить нас издалека; это ожидание юноши или девушки, сдавших решающий экзамен или прошедших собеседование при устройстве на работу; в близких отношениях это ожидание встречи с любимым человеком, ожидание ответа на письмо или получения прощения... Можно сказать, что человек жив пока ждет, пока в его сердце жива надежда.

⁴ Б. Брехт. *К потомкам*. Пер. Е. Эткинда.

⁵ L. Giussani. *Un avvenimento di vita, cioè una storia* / A cura di C. Di Martino. Roma: EDIT, 1993. P. 41.

⁶ C. Pavese. *Il mestiere di vivere*. Torino: Einaudi, 1952. P. 276.

⁷ <https://www.ateneostudenti.it/2020/11/01/luniversita-non-e-chiusa-finche-noi-viviamo/>

И человек познается по его надеждам: нашу духовную и моральную „стать“ можно измерить тем, чего мы ожидаем, на что надеемся»⁸.

Ожидание настолько неотрывно от нашего «я», что даже самые тяжелые, самые выстраданные, самые противоречивые ситуации не в состоянии устранить его с концами. Даже когда, кажется, есть все причины, чтобы больше не ждать, мы находим подтверждение ожиданию: «Время постоянно чем-то заполнено, но все это на фоне каждодневного – с утра до ночи – ожидания»⁹, – писал Дитрих Бонхеффер из берлинской тюрьмы Тегель, где он был заключен с 1943 по 1945 год и потом повешен за оппозицию нацистскому режиму. Он не терял ни минуты, на фоне всего остального росло ожидание.

Ничто не победит эту простейшую и нерушимую очевидность: мы являемся «ожиданием чего-то». Ссылаясь на один рассказ Кафки, испанский писатель Густаво Мартин Гарсо говорит о нашем ожидающем сердце как о «животном, которое просит того, что мы не в состоянии совершить, и все же оно настаивает, чтобы мы это совершали»¹⁰. А Ирибаррен, размышляя в том же ключе, пишет: «И как может быть, / – говорю я себе, глядя на жизнь, / проходящую в сторону побережья, – что, несмотря / на суровое опустошение, которое несет нам время, ни на йоту не ослабевает, / не оставляет нас в покое / ни на секунду это непрестанное мечтание о невозможном»¹¹.

2. Любовь к себе

Будьте внимательны, данностью ожидания, каким бы внушительным оно ни было, все не заканчивается. Иначе говоря, его требуется признать, принять, наделить весом. И потому оно бросает вызов нашему разуму и нашей свободе. Вот наше человеческое величие: ожидание свойственно нашей природе, но мы можем, как уже говорилось, по-разному пытаться жить так, будто его нет, отвлекаясь, притворяясь, будто его не существует. Оно есть, но не выходит на первый план механически.

Кто-то разглядит очередное несчастье в том факте, что очевидность ожидания, которым мы являемся, не выходит на первый план механически, что мы должны его признать. Точно так же можно смотреть и на то, что мы не в состоянии не только удовлетворить его собственными силами, но и изъять его из себя. Однако, оставаясь верными нашему опыту, мы понимаем: вовсе не в наших интересах вырвать его из ткани нашего существа, и, на наше счастье, попытки задушить ожидание в конечном итоге нельзя воплотить в жизнь. Тут Павезе вновь попадает в точку: «Ждать – это еще какое-то занятие. Не ждать ничего – вот что ужасно»¹². Каждый может проверить верность его слов, когда встает утром и ничего не ждет. В такие моменты мы можем признаться самим себе, что лучше: просьпаться, чего-то ожидая, или же открывать глаза в начале дня и не ждать ничего.

Ожидание, которое никто не в силах вырвать с корнем из собственного сердца, каждое утро ставит нас перед альтернативой, затрагивающей то, чем определяется наше человеческое величие, – свободу. Что это за альтернатива? Принять ожидание всерьез или махнуть на него рукой. Решение никогда не само собой разумеется. Поэтому мы и свободны. Одна подруга пишет мне: «Впервые я пробую ответить на вопросы, которые ты задаешь перед упражнениями или собраниями, потому что впервые я посмотрела на себя настолько серьезно, чтобы сказать,

⁸ Бенедикт XVI. *Ангел Господень*, 28 ноября 2010 г.

⁹ Д. Бонхеффер. *Соппротивление и покорность*. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2020.

¹⁰ G. M. Garzo. *Estimado Franz Kafka // El País*. 25 octubre 2020.

¹¹ «Y cómo puede ser / —me digo, viendo pasar la vida / hacia la playa—, que, pese / a las devastaciones inclementes / que el tiempo / nos inflige, / no se amortigüe un ápice / siquiera, no nos dé tregua / un segundo, / este incesante / soñar con lo imposible» (К. С. Ирибаррен. *Verano cruel // Seguro que esta historia te sueña*. P. 330–331).

¹² C. Pavese. *Il mestiere di vivere*. P. 292.

что вопрос, есть ли надежда, про меня, он обращен именно ко мне и на него не должны отвечать лишь „другие“. Я поняла, что в моей жизни главный герой – я сама».

Драма нашей свободы, разворачивающаяся ежедневно, прекрасно описана в стихотворении «Джордж Грэй» из сборника «Антология Спун-Ривер»:

«Как часто рассматривал я
Этот высеченный в мраморе образ
Моего предназначения:
Корабль со спущенными парусами,
Ждущий выхода в море
В тихой гавани.
Поистине, он стал символом всей моей жизни.
Любовь улыбнулась мне, – я опасался разочарования.
Печаль постучалась в мою дверь, но страх был сильнее.
Честолюбие звало меня, – а я испугался риска.
А ведь я так жаждал жизни, полной значенья!
Теперь я знаю: надо смело поднимать паруса
И ловить ветер судьбы,
Куда бы он ни погнал наш корабль.
Стремясь оправдать свою жизнь, можно кончить безумием,
Но жизнь без цели и смысла — это мученье
От вечного непокоя и смутных желаний.
Она – как корабль, влекущийся к морю,
Но скованный страхом»¹³.

Мы подобны кораблю, который влечет в море, он не может не ждать его, потому что соткан из этой жажды, и все же море его страшит. Тут-то и начинается борьба: можно пойти за жаждой моря, за голодом, за желанием жизни, исполненной смысла, а можно отступить, удовольствоваться меньшим, не рисковать из страха перед непредвиденным.

О таком искушении отступить от собственной человечности, избавиться себя от пугающих непредвиденных событий, остаться в безопасности на корабле «со спущенными парусами... в тихой гавани» Иисус говорит в евангельской притче о талантах.

«Ибо Он поступит, как человек, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует у них отчета. И, подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел также и получивший два таланта и сказал: господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел и получивший один талант и сказал: господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое. Господин же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант

¹³ Э. Ли Мастерс. *Джордж Грэй* / Пер. Э. Ананиашвили // *Поэзия США*. М.: Художественная литература, 1981.

и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов»¹⁴.

Господин упрекает раба, который из страха решил не рисковать. Только тот, кто рискует, говорит Иисус, может приобрести жизнь. Неслучайно притча заканчивается так: «Всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет». Иисус прекрасно знал человеческую природу и свойственное ей искушение не рисковать, вытащить весла из воды и удобно устроиться в гавани. Но тот, кто в жизни не рискует, не ставит на кон самого себя, чтобы получить в награду смысл, останется ни с чем, с пустотой.

Серьезное отношение к своей нужде, к жажде полной жизни – первый признак любви к себе, и нет ничего менее самоочевидного. Действительно, мы замечаем наши нужды и потребности «вынужденно, и жалуемся, кричим от боли... когда они не удовлетворяются, но обычно мы не принимаем их всерьез»¹⁵, не верим в них так, как следовало бы, не идем в направлении, которое они указывают.

Что нужно для такой любви к себе? «Любовь к себе требует нищеты, – говорил отец Джуссани студентам в 1983 году. – Поэтому-то Христос сказал: „Блаженны нищие духом“ или „Блаженны алчущие и жаждущие правды“, – ибо [любовь к себе] – привязанность не к чему-то, что определили мы, а к тому, что определяет нас; это признание чего-то, что нас определяет, и притом у нас не было возможности вмешаться и обусловить вопрос. Таким образом, потребность в любви, или потребность в личном свершении, или потребность в компании есть нечто несравненно более великое и глубокое, к чему нужно прислушиваться, относиться с серьезностью и вниманием, есть нечто, не идущее ни в какое сравнение со всеми нашими ожесточенными усилиями, обращенными к объекту нашего желания, который помыслили, вообразили или избрали мы»¹⁶.

Следовательно, любовь к себе не имеет никакого отношения к самолюбию, она распахивает нас к открытию образующих потребностей, истинных нужд в их неприкрытости и широте. И правда, кто такой нищий духом? «Человек, у которого нет ничего, кроме того, ради чего и из чего он сделан, то есть кроме бесконечного чаяния... безграничного ожидания. Ожидание безгранично не потому, что нет конца нагромождению вещей, которых ожидаешь; нет, [нищий] не ждет ничего [ничего конкретного, что в конечном счете разочаровывает], но живет в безграничной открытости... [кажется даже, что тут есть противоречие]. Как говорится в стихотворении Клементе Реборы: „Я никого не жду...“ и все же... я весь... внимание»¹⁷. Такова самобытность человека»: быть целиком и полностью устремленным к чему-то, что еще ему не известно, но уже захватывает его с ног до головы.

Человек есть ожидание – такова наша природа. Но ожидание чего? Человеческое сердце есть ожидание бесконечного, безграничного ожидания. Нищий – человек, совпадающий с этим ожиданием, устремленный к чему-то, чего он не знает, не может измерить, но что его образует и непреодолимо влечет.

Нелегко встретить людей, умеющих видеть человечность в ее полноте, без редуций. Я до сих пор помню свои впечатления, когда я слушал Джуссани: он смотрел на человека с такой способностью обнимать все, из чего тот соткан, что у меня возникало желание точно так же обнимать самого себя. Меня переполняла благодарность за то, что есть кто-то, кто так «радикально» обнимает мою человечность. Когда мы находим человека, способного на подобный взгляд, наступает освобождение. Отец Джуссани писал: «Серьезность в отношении любви к себе есть восприятие собственной безграничной нужды, но я настаиваю: у нужды нет границ

¹⁴ Мф. 25:14–30.

¹⁵ L. Giussani. *Uomini senza patria (1982–1983)*. Milano: Bur, 2008. P. 295.

¹⁶ *Ibidem*. P. 296.

¹⁷ *Ibidem*. P. 298.

не потому, что ты хочешь сто тысяч вещей, а потом желаешь сто тысяч и одну! Она безгранична, поскольку не принимает во внимание никакие образы вещей, в которых ты нуждаешься: это нужда!»¹⁸ Это ожидание! Какой опыт нужно пережить, чтобы дойти до такого утверждения! Каждый из нас есть нужда, безграничная нужда, заявляющая о себе до и помимо любых возможных образов.

3. «О, если бы Ты расторг небеса и сошел!»

Серьезное отношение к ожиданию не ослабляет трепет перед тем, что его исполнит. Трепет этот пронизывает нашу личность и историю: в нас заключено единственное в своем роде непоколебимое ожидание, не имеющее границ, и не в наших силах вообразить, как оно исполнится. Это тайна. Ожидание обращено к «чему-то», с чем мы не знакомы, что превосходит любые определения, любую меру. Это сложно принять, но в этом-то и состоит все величие человека.

Однажды прочитав, я уже не мог забыть слова Леопарди: «Неспособность удовлетвориться чем бы то ни было земным»¹⁹ – высшее проявление человеческого величия. Такой взгляд на человека встречается редко. Для многих неспособность удовлетвориться чем бы то ни было земным – несчастье, и они все бы отдали, чтобы сузить ожидание, чтобы удовольствоваться чем-то достижимым. Напротив, пишет Мигель Унамуно, «преходящее меня не удовлетворяет... я жажду вечности... без нее все мне безразлично. Я в ней нуждаюсь, я в ней нуждаюсь! Без нее нет больше радости жизни, а радость жизни ни о чем мне больше не говорит. Слишком легко утверждать: „Нужно жить, нужно довольствоваться жизнью“. А что с теми, которые не довольствуются?»²⁰

Неудовлетворенность отсылает к чему-то настолько великому, что его невозможно и вообразить. «Настоящая ситуация человека – чистое ожидание события, которое он никоим образом не может подготовить и появление которого совершенно непредвиденно»²¹. Мы не знаем, что это будет и как произойдет, но мы ждем. Более того, в первую очередь, превыше всего, в глубине всех вещей мы ждем именно этого. Сейчас, как и две тысячи лет назад.

Это хорошо подметил Эрнест Элло, говорят о временах Иисуса: «Пребывая в ожидании, ветхий римский мир сотворил необычайные мерзости; противостояние тщеславий вылилось в войну, земля склонилась под скипетром Цезаря Августа. Земля еще не осознала важность того, что совершалось в ней. Оторопевшая от шума... войн и раздоров, она не заметила, как происходило нечто важное: молчание тех, кто ожидал в глубокой торжественности желая. Земля об этом не знала ничего. И начнись все заново сегодня, она знала бы не больше, чем тогда. Если бы ее заставили заметить, она оставила бы его без внимания с той же невнимательностью, пренебрегла бы с тем же пренебрежением. Молчание – говорю я – было тем истинным, что *совершалось* на лице земли без ее ведома. Молчание было подлинным действием.

¹⁸ L. Giussani. *Uomini senza patria*. P. 299.

¹⁹ Приведу полностью знаменитую мысль Леопарди: ««Эта неспособность удовлетворяться чем бы то ни было земным и даже, так сказать, самой жизнью на земле, это умение охватить взглядом необозримое пространство космоса и сказочное множество миров и найти все это бесконечно малым по сравнению с необъятностью собственной души, этот дар воображения, позволяющий представить себе бесконечность мироздания и при этом ощущать, что наш дух и наши желания еще неизмеримей, чем вселенная, эти постоянные жалобы на пошлость и ничтожество и страдание от чувства пустоты – одним словом, такая скука кажется мне высшим проявлением величия и благородства, на какое только способна человеческая природа» (Дж. Леопарди. *Мысли*. LXVIII // *Нравственные очерки. Дневник размышлений. Мысли*. М.: Республика, 2000. С. 364).

²⁰ M. de Unamuno. *Cartas inéditas de Miguel de Unamuno y Pedro Jiménez Ilundain* // A cura di H. Benítez. *Revista de la Universidad de Buenos Aires*. 3 (9/1949). P. 135, 150. Упоминается о. Раньеро Канталамессой: *Vi annunciamo la vita eterna (1Gv. 1, 2)*. Seconda Predica di Avvento, 11 dicembre 2020.

²¹ J. Daniélou. *Saggio sul mistero della storia*. P. 216.

Оно не было отрицательным молчанием, отсутствием слов; это было положительное молчание, более действенное, нежели любое действие. Пока Октавиан и Антоний оспаривали друг у друга мировую империю, Симеон и Анна ждали. И кто из них был более деятельным?»²².

Бенедикт XVI так описал тайну этого ожидания: «В период, предшествовавший рождению Иисуса, в Израиле очень сильно было ожидание Мессии, Помазанника, потомка царя Давида, который должен был наконец освободить народ [Израиля] от всякого рабства... и установить Царство Божие. Но никто и вообразить не мог, что Мессия родится от скромной девушки, какой была Мария, обрученная с праведным Иосифом. Да и она о таком не подумала бы, но ожидание Спасителя в ее сердце было столь огромным, а ее вера и надежда столь пламенными, что Он обрел в ней достойную мать. Кроме того, Сам Бог подготовил ее прежде всех веков. Существует таинственное соответствие между Божиим ожиданием и ожиданием Марии... абсолютно прозрачной перед исполненным любви замыслом Всевышнего»²³.

Ожидание Симеона, Анны, Марии – это не только факт прошлого. Нет, потому что в том же молчании, что и тогда, вдали от света софитов, как и тогда, ожидание по-прежнему обитает в сокровенных глубинах нашей человечности, в тишине нашего сердца, в недрах нашего «я». И оно продолжает гореть. Одна студентка пишет: «Моя человечность непрерывно пребывает в ожидании Присутствия, которое ведет ее к свершению». О том же говорит и великий немецкий поэт Рильке: «Уж не слишком ли был ты рассеян / От ожидания? Все предвещало как будто / Близость любимой»²⁴. Ожидание – изначальная ткань нашего сердца – есть ожидание присутствия, которое отвечает нашей человечности, спасает ее, сохраняет и приводит к свершению.

В своем последнем, автобиографическом романе Даниеле Менкарелли пишет: «Я бы хотел сказать моей матери, что мне действительно нужно: всегда одно и то же с тех пор, как новорожденным я впервые закричал в лицо мира. То, что я хочу уже давно, нелегко было высказать, я пытался объяснить это с помощью сложных понятий, я провел первые двадцать лет жизни, изучая слова, наилучшим образом это описывающие. Я использовал много слов, слишком много, а потом понял, что должен двигаться в противоположном направлении. День за днем я начал вычеркивать по слову, наименее необходимому, лишнему. Потихоньку я сокращал, урезал, пока не осталось одно-единственное слово. Слово, говорящее, чего я действительно хочу, что я ношу в себе с рождения, до рождения, что преследует меня, как тень, вечно простертая рядом со мной. Спасение. Это слово я не говорю никому, кроме себя. Но вот оно, слово, а вместе с ним – его смысл, превосходящий смерть. Спасение. Для меня. Для моей матери на другом конце телефонной линии. Для всех детей и всех матерей. И для отцов. И для всех братьев всех времен, минувших и будущих. Моя болезнь зовется спасением. Как так? Кому я могу сказать об этом?»²⁵

В высшей точке сознания о существовании, выстраданного, страстного, вырывается крик нашей человечности как просьба, возносящаяся из глубин сердца человека в любые времена, как мольба, обращенная к непостижимой Тайне: «О, если бы Ты расторг небеса и сошел!»²⁶ Эта просьба содержится в каждом нашем пробуждении и в каждом действии в течение дня, даже когда люди не знают, кто стоит за «Ты», которое они тем не менее ждут. «О, если бы Ты расторг небеса и сошел!» Это просьба разума и привязанности человека, который не хочет прожить жизнь напрасно. Вот почему Монтале, по-своему знакомый с человечностью, пишет: «Радость ожидания – полнее»²⁷.

Мы ждем чего-то, не зная, как оно явится, а значит, это проблема не ума, а внимания. Именно о нем и надо просить, как подчеркнул папа Франциск, цитируя святого Августина:

²² E. Hello. *Fisionomie di Santi*. Torino: La Torre d'avorio – Fogola, 1977. P. 58–59.

²³ Бенедикт XVI. *Ангел Господень*, 28 ноября 2010 г.

²⁴ Р. М. Рильке. Первая элегия. Ст. 31–32 // *Дуинские элегии*. Пер. В. Микушевича.

²⁵ D. Menicarelli. *Tutto chiede salvezza*. Milano: Mondadori, 2020. P. 22–23.

²⁶ *Ис.* 63:19.

²⁷ Э. Монтале. *Полдня ореол в разгаре лета*. Пер. Е. Солоновича.

«*Timeo Iesum transeuntem*“ (*Sermones*, 88, 14, 13) – „Боюсь, что Иисус пройдет мимо, а я не замечу“. Увлеченные нашими интересами... отвлекающиеся на всякого рода суету, мы рискуем упустить самое важное. Поэтому-то сегодня Господь повторяет всем: „Бодрствуйте“ (Мк. 13:37). Бодрствуйте, будьте внимательны»²⁸.

²⁸ Франциск. *Проповедь на святой мессе с новыми кардиналами*, 29 ноября 2020 г.